

Источник: Обещанная Лукреция. Перевод под ред. А. А. Смирнова // Шекспир В. Полное собрание сочинений: В 8 т. / Под ред. А. А. Смирнова. М.-Л.: Гослитиздат, 1949. Т. 8. С. 459-516. + комментарий и примечания. С. 648.

459

ОБЕЩАННАЯ

ЛУКРЕЦИЯ

461

Его милости Генри Райотсли,
герцогу Соутемптону,
барону Тичфильду.

Любовь, которую я питаю к вашей светлости, бесконечна, и это произведенье без начала выражает лишь ничтожную часть ее. Только доказательства вашего лестного расположения ко мне, а не достоинства моих неумелых стихов дают мне уверенность в том, что мое посвящение будет принято вами. То, что я совершил, принадлежит вам, то, что мне предстоит совершить, тоже ваше, как часть того целого, которое безраздельно отдано вам. Если бы мои достоинства были значительнее, то и выражения моей преданности были бы совершеннее. Но каково бы ни было мое значение, все силы мои посвящены вашей светлости, которой я желаю долгой жизни, приумноженной всевозможным счастьем.

Вашей светлости покорный слуга

Вильям Шекспир.

462

У стен Ардеи стан покинув свой,
Тарквиний необузданный спешит
В Коллациум на крыльях страсти злой.
В его груди безумный пламень скрыт;
Огонь стремится вырваться из плит
И стан обнять Лукреции невинной,
Возлюбленной супруги Коллатина.

Быть может, прозвище «невинной» пыл

Неукротимой страсти в нем загло.
Неосторожно Коллатин хвалил 10
Цветы ланит и ясное чело.
Его блаженства небо процвело
Светилами, что краше горних были,
Ему сияя в непорочной силе.

В шатре вождя минувшей ночью он
Открыл исток блаженства своего:
Как щедро он богами одарен, –
Сокровище – супруга у него;
Такого счастья нет ни у кого;
Цари владеют славою военной, 20
Но не такой матроной несравненной.

О счастье, жизни редкая краса!
Ты пропадаешь, чуть блеснув в сердцах,
Как на полях серебристая роса
Истаивает в золотых лучах.
Ты зыбкий миг, неуловимый прах.
Для красоты и чести непорочной
В объятьях страстных нет защиты прочной.

463

Без красноречья убеждать могла
Всегда людские взоры красота. 30
Потребна ли высокая хвала
Для прелести, что светит в мир, чиста?
Зачем поведали его уста
Про ту жемчужину, его отраду?
Ее хранить от хищных взоров надо.

Быть может, блеском пламенных похвал
Надменный был Тарквиний соблазнен;
Нередко слух нам сердце завлекал.
Быть может, царский сын был уязвлен
Злой завистью: зачем владеет он, 40
Ему подвластный муж, таким блаженством,
Владыке недоступным совершенством?

Так помыслом недобрым зажжена
Была отвага дерзостная в нем.
Забыты честь, друзья, дела, страна.
Помчался он, терзаемый огнем,
Надеждой утолить его влеком.
О жар коварный, совестью гасимый,

Твоя весна стремительна и мнима!

Когда Коллациума он достиг,
Радушно встречен был матроной той.
Являл борьбу ее стыдливый лик
Меж добродетелью и красотой.
Гордится добродетель полнотою;
Но красота, сознав себя, краснеет,
Тут скромность гасит краску, лик бледнеет.

50

Но красота свои права берет
На белизну, наследье голубей
Венеры; добродетель в свой черед
Взамен румянца требует скорей.
В дни золотые он на лик людей
Был послан ею, стал щитом надежным,
В борьбе стыдливость кроя жаром нежным

60

464

Ее лицо – как поле на гербе,
Где с белым алым цвет сраженье вел;
Два юных короля, они в борьбе
Оспаривали родовой престол;
Из честолюбья каждый в битву шел.
Враги один другого непреклонней
И много раз сменяются на троне.

70

Так наблюдал Тарквиний жаркий бой
Лилей и роз в полях ее ланит.
Врывался гнусный взор его порой
В их чистые ряды, но был разбит;
Обеим ратям сдаться он спешит.
Они ж ему готовы дать пощаду:
Им торжества над извергом не надо.

Он думает: в словах своих похвал
Ее супруг, скупой и жалкий мот,
Лицо жены безмерно оскорблял;
Не передать ему ее красот, –
И всё, чего речам недостает,
Спешит восполнить он и, восхищенный,
Вперил в нее безмолвно взор влюбленный.

80

Так дьявол страстью воспылал к святой;
Но от него не ждет вреда она.
Не замечает зла, кто чист душой,

И сеть для птицы вольной не страшна.
Приветствовала верная жена
Нелицемерно гостя-властелина,
Чей ласков взор, а в сердце яд змеиный.

90

Под величавым царственным плащом
Таил Тарквиний мерзостный порок.
Все было с виду так пристойно в нем,
И лишь порой восторга огонек
В его глазах желанье выдать мог.
Всех прелестей ему казалось мало,
И страсть его всё большего алкала

465

Но, непривычная к чужим глазам,
Она его не разгадала взор
И не прочла в хрустальной книге там
Начертанный души его позор.
Не ведала приманок до сих пор;
Не страшен ей глаз дерзких блеск
Ей думалось: они лучам открыты.

100

Он говорит, что доблести пример
Ее супруг и славою покрыт;
Возносит Коллатина свыше мер;
О ратных подвигах его твердит:
Враги разбиты, лавром он увит.
Она воздела руки в восхищенье;
Безмолвно небу шлет благодаренья.

110

Скрывая замысел коварный свой,
Прощенья он просил за свой приход.
Суровой тенью тучи грозовой
Его не омрачался небосвод,
Покуда ночь, мать страха и забот,
Над миром черный плащ не развернула
И день в темнице мрачной не замкнула.

Тогда ко сну Тарквиний отошел,
Прикинувшись, что крайне утомлен:
Ведь после ужина с хозяйкой вел
Беседу продолжительную он.
В нем борются пыл жизненный и сон.
Все мирно спят, лишь бодрствуют угрюмо
Воры, тревоги и злодеев думы.

120

Тарквиний в их числе. Уму его
Опасности предстали в поздний час.
Всё ж он решил добиться своего,
Хотя и слаб надежды сладкий глас. 130
Порой отчаянье толкает нас;
Когда награда манит дорогая,
Мы в бой идем, о смерти забывая.

466

Кто пламенно стремится обладать.
Желанной вещью, тот готов скорей
Всё, чем владеет, расточить, отдать;
Чем большего он алчет, тем бедней;
И даже овладев мечтой своей,
Он пресыщение вкушает вкоре;
В богатстве беден он и терпит горе. 140

Цель каждого – до старости дойти,
Вкушая честь, богатство и покой.
Но столько трудностей на том пути,
Что жертвовать приходится порой:
То жизнью ради чести в битве злой,
То честью для богатств, то мы в борежье
Теряем жизнь, стремясь к обогащенью.

В пылу стремлений отвергаем вдруг
Свой прежний жребий и другого ждем;
Нас честолюбия гнетет недуг. 150
Всем достоянием пренебрежем,
Желая большего; нет блага в том,
Что нам дано; порой уничтожаем
Всё, что трудами тяжкими стяжаем.

Готов Тарквиний на безумный шаг,
Честь в жертву принесся страстям своим.
Теперь он сам себе изменник, враг.
Кому же верить, как не нам самим?
И кем отныне будет он любим,
Когда, предав себя, пошел навстречу 160
Позору, ненависти и злоречью?

Но вот глухая ночь сошла на мир,
И очи смертных сон смежил слепой.
Не лили звезды кроткий свет в эфир.
Лишь крик совы да волка жадный вой
Звучат в тиши; легко им в час такой

Хватать ягнят; спят чистые желанья,
Лишь бродят похоть да разбой в тумане.

467

Он с ложа встал, охваченный огнем,
Плащом плечо стремительно покрыв.
С желаньем спорят опасенья в нем;
Страх цепенит, – вперед манит порыв;
То, чары гнусной похоти сломив,
Его объемлет страх внезапный, холодный;
То снова страсти он покорен жадной.

170

Тут о кремень мечом ударил он,
Из камня искры сыплются во тьму.
Светильник восковой тотчас зажжен,
Звездой путеводной стал ему.
Он говорит светильнику тому:
«Как я извлек из камня пламень яркий,
Так я зажгу матрону страстью жаркой».

180

О тех напастях, что ему грозят,
Он размышляет, бледностью покрыт.
В уме опасностей мелькает ряд;
Расплата неизбежная страшит.
Он с омерзением и гневом зрит
Уловки похоти своей презренной
И говорит с разумностью отменной:

«Померкни, факел, не давай огня,
Чтоб свет затмить прекрасней твоего!
Умрите, думы страсти, у меня,
Дабы не осквернять вам божество;
Возлейте миро на алтарь его.
Противно человечеству деянье,
Любви пятнающее одеянье.

190

«О воинству, оружию позор!
О срам гробнице праотцев моих!
О злодеянье, что влечет укор!
Стать воину рабом страстей слепых!
Почтенно мужество в глазах своих;
Мое же столь постыдно преступленье,
Что ляжет на чело клеймом презренья.

200

468

«Да, я умру, но будет жив мой стыд
И заклеят он герб мой золотой.
Вплетет историк знак позорный в щит,
Запечатлев поступок низкий мой.
Мое потомство, возмутясь виной,
Предаст проклятию мою гробницу
И прадеда-злодея устыдится.

210

«И что мне достижение принесет?
Лишь, пену радости, мгновенный сон.
Кто вечность за игрушку отдает?
За счастья миг кто купит долгий стон?
Кто срубит древо, яблоком прельщен?
Кто согласится завладеть короной
И тотчас пасть, сраженный скиптром, с трона?

«Когда бы Коллатин мог увидеть
Мой замысел во сне, схватив свой меч,
Помчался б он – осаду с ложа снять,
У корня злодеяние подсесть,
Честь непорочную свою сберечь,
Сурового избежать приговора,
В веках неизгладимого позора.

220

«О, чем смогу себя я оправдать,
Когда свой гнев он изольет в речах?
Не буду ль немо, трепеща, стоять,
С кровавым сердцем, с ужасом в глазах?
Тяжел мой грех, еще тяжело страх;
У страха для борьбы не станет силы;
Трусливо он сойдет со мной в могилу.

230

«Когда б отца любил он моего
Иль сына, иль на жизнь мою восстал,
Иль не был другом, – взяв жену его,
Поступок свой легко б я оправдал;
Ему я равной мерой бы воздал.
Но он мой родственник, мой друг любимый,
И мне грозит позор неизгладимый.

469

«Срам неизбежен, и гнусна вина.
Любовь гнусна ль? Любви ее молю.
Но не принадлежит себе она;

240

Лишь гневно отстранит мольбу мою.
Рассудок волей крепкою сломяю!
Кто убоится прописной морали,
Того и пугала бы в страх вогнали».

Так похоть жаркая и трезвый ум
В нем нечестивою борьбу вели.
Разбиты рати благородных дум;
На смену мысли черные пришли;
Тотчас всё доброе в душе смели
И обольстили разум так умело,
Что мыслит он прекрасным злое дело.

250

Он молвит: «За руку меня своей
Рукой взяла и мне в глаза впилась
Тревожным взором, роковых вестей
О Коллатине дорогом страшась.
О, как от страха краска разлилась!
Сперва — как на одежде розан алый,
Потом лицо белей одежды стало.

«О, как дрожала тонкая рука
Луcreции, в моей заключена!
Не прекращалась дрожь ее, пока
Не услышала от меня она,
Что муж здоров; тут ясной, как весна,
Улыбкой расцвела; когда б увидел
Ее Нарцис, себя б возненавидел.

260

«К чему мне оправданья? Смертных всех
Речь красоты к молчанью приведет.
Лишь слабодушного смущает грех;
В трусливом сердце страсть не расцветет.
Любовь — мой вождь, она меня ведет!
Когда ж взовьет страсть пламенное знамя,
И трусы станут грозными бойцами.

270

470

«Прочь, детский страх! Сомнение, уймись!
Благоразумье, жди кудрей седых!
Глазам отныне, сердце, покорись!
Пусть мудрых взор задумчив, мрачен, тих;
Я молод, прогоню ж со сцены их.
Желанье — кормчий мой, краса — награда.
Кто для нее не презрит волн громады?»

280

Как плевелы на нивах рожь глушат,
Так похотью законный сломлен страх.
Он крадется, желанием объят;
Надежда и сомнение в глазах.
Как две рабыни, мудрые в речах,
Они его влекут к себе искусно.
То медлит он, то рвется к цели гнусной.

Небесный лик он видит пред собой.
И рядом с нею Коллатина зрит.
Он смотрит на нее, смутясь душой;
Он смотрит на него, и строгий вид
Ему предаться страсти не велит
И манит к добродетели суровой.
Но к злу порочный дух склонился снова.

290

Он силы темные свои зовет,
Они ж, вождя призывом польщены,
Грудь наполняют, как недели – год;
Вздувают похоть, гордостью полны,
Безмерным рвением распалены.
Тарквиний, движим страстию безумной,
К Лукреции направился бесшумно.

300

Замки меж ней и волею его
Все взломаны, бессилен их затвор.
Но, открываясь, двери на него
Ворчат, и трепетом охвачен вор.
Задела дверь порог и шлет укор.
Пищат во тьме хорьки, его путая,
Но он идет, боязнь преодолевая.

471

За дверью дверь сдаются перед ним;
Но ветер в щели рвется, хлещет в грудь,
В лицо ему швыряет едкий дым;
На светоч ринулся, стремясь задуть,
Остановить злодея страшный путь.
Но грудь, где знойное кипит желанье,
Вновь раздувает светоча пыланье.

310

Он видит в свете факела: лежит
Ее перчатка; жадною рукой
Он с тростника¹ поднять ее спешит
И колет палец скрытой в ней иглой.
Перчатка словно молвит: «Скройся, злой!

320

Не создана я страсти быть отрадой.
Чисты моей владычицы наряды».

Но всем преградам вора не сдержатъ,
И он по-своему толкует их:
Перчатку, ветер, дверь готов считать
Случайностями на путях своих;
Они – как гири, что часов стенных
Задерживают ход, пока в скитанье
Минуты часу не уплатят дани.

«Так, так, – он молвит. – Не страшусь преград. 330
С морозами я их могу сравнить,
Что радость новую весне дарят,
Птиц побуждают буйно голосить.
Жемчужная не дастся даром нить,
Утесы, ветры, рифы и пираты
Страшат купца до славного возврата».

Вот, наконец, стоит у двери он,
Что дум его сокрыла небосвод;
Но путь затвором слабым прегражден
К той, чья краса его мечты влечет. 340
И так силён над ним нечестья гнет,

472

Что об удаче молится преступник,
Как будто небо – грешному заступник.

Но посреди бесплодной той мольбы,
Когда он к помощи бессмертных сил
Взывал, о благосклонности судьбы
К деянию преступному просил, –
Он вздрогнул. «Я растлить ее решил! –
Воскликнул. – Разве мне помогут боги,
Что к злодеянию такому строги? 350

«Любовь и счастье, вы мне божества!
Незыблемы решения мои.
Мечта невоплощенная мертва.
Отмоют грех раскаянья струи;
Растает страха лед в огне любви.
Спит око неба. Ночь сокроет мглою
Стыд, что влекут восторги за собою»

Тут, сняв затворы дерзкою рукой,
Коленом двери распахнул злодей.

Спит голубок, намеченный совой. 360
Не увидеть измены в тьме ночей.
Змею увидев, всяк бежит скорей.
Она же в беззаботном сне лежала,
Не зная, что грозит ей смерти жало.

В покой он входит, полн желаньем злым,
И ложе незапятнанное зрит.
Задернут полог; ходит он пред ним,
И взор голодным пламенем горит.
Измене взором в сердце путь открыт.
Рука получит скоро приказанье 370
Снять тучку, скрывшую луны сиянье.

Нам взоры ослепляет солнца лик,
Над облаком победно вознесен,
Так он, откинув полог, в тот же миг
Зажмурился, блистаньем ослеплен.

473

Ее ли пламенем был опален,
Иль стыд внезапно в сердце
Но слепы очи, взор его затмился.

О, если б взор его навек погас!
Тогда бы замысел пресекся злой, 380
Тогда б на ложе Коллатин не раз
Забвение забот вкушал с женой;
Но вспыхнет взор и стубит их покой,
Похитит у матроны безупречной
И жизнь, и радости, и сон беспечный.

Лилейная под розовой щекой
Легла рука, подушке не дала
Лобзать лицо, а та в досаде злой,
Встав, с двух сторон лик нежный обняла;
И голова покоилась, светла, 390
Меж гор — гробницею любви священной;
Но взор над ней склонился дерзновенный.

Другая непорочная рука
Белела сверх зеленых покрывал,
Как лилия средь вешнего лужка;
На ней росой жемчужный пот сверкал.
В глазах прекрасных свет не трепетал;
Они, как анемон в тени укромной,

До утра венчики сомкнули томно.

Играли золотых кудрей струи
С дыханьем. О невинный рой забав!
Сквозь смерть являла жизнь права свои,
А смерть сквозь жизнь своих искала прав;
Свою вражду забвению предав.
Так неразрывно их чета сплеталась,
Что смертью жизнь и жизнью смерть казалась.

400

Два полушарья мраморных грудей, –
Миры, не покоренные врагом, –
Владыку чтили в верности своей,

474

Знакомы были лишь с его ярмом.
Объятый честолюбия огнем,
Тарквиний, как захватчик беззаконный,
Монарха их решил низвергнуть с трона.

410

Всё, что он наблюдал, его влекло;
Всё пробуждало в нем желаний пыл;
Всё, что он зрел, безумьем сердце жгло;
Он, жадно глядя, очи утомил.
С немым восторгом взор его скользил.
По жилкам голубым, по коже нежной,
Устам-кораллам, шее белоснежной.

420

Как лев терзать добычу не спешит,
Играет с ней, о голоде забыв, –
Так римлянин над спящею стоит.
Притих от созерцания порыв,
Но не смирен. Лицо над ней склонив,
Он сдерживал мятеж страстей глазами;
Но новый взрыв по жилам гонит пламя.

И жилы, словно злых рабов отряд,
Как воры, жаждущие грабежей,
Чья радость – кровь, кого не поразят
Ни плач детей, ни стоны матерей,
Надувшись гордо, рвутся в бой страстей.
Забил скоро сердце в нем тревогу,
Открыв его желаниям дорогу.

430

Дробь отбивая, сердце придает
Глазам отвагу, шлют глаза приказ
Руке, она же, устремясь вперед,

Дрожа от гордости, взошла тотчас
На холм груди нагой – отраду глаз;
И побледнели башенки крутые, 440
Кровь отлила сквозь жилки голубые.

Кровь устремилась в тихий тот покой,
Где госпожа, владычица спала, –

475

Вещать про нападение и разбой;
Ее от сладких снов оторвала
И хриплым криком в трепет привела.
Раскрылся взор ее, глядит смятенно
И меркнет, ярким светом ослепленный.

Представьте женщину, что сладко спит
И страшным сном в ночи пробуждена; 450
Ей мнится, призрак перед ней стоит,
И всеми членами дрожит она.
О жуть! Но Коллатинова жена
При пробуждении видит пред собою
Не привиденье – существо живое.

Как раненая птица, перед ним
Лежит, дрожа; все чувства смятены,
Зажмурилась; насильник ей незрим.
Мелькают тени, ужаса полны,
Расстроенным умом порождены, 460
Который, рассердясь, что слепнут очи,
Рисует ужасы во мраке ночи.

К ее груди, как к мраморной стене,
Его рука припала – злой таран;
Нащупать может сердце в глубине –
Властителя, что страхом обуян
И сам себе наносит сотни ран;
Но будит он не жалость, а желанье, –
Разбив стену, проникнуть дерзко в зданье.

Как зычная труба, его язык 470
Врагу переговоров шлет сигнал.
Из одеяла глянул бледный лик;
Ей надо знать, зачем злодей напал.
Тарквиний молча ей растолковал.
Она ж поведать молит неотступно,
Что вызвало его на шаг преступный

Он отвечает: «Лик прекрасный твой,
 Что лилию заставит побледнеть
 И розу покраснеть в досаде злой,
 Обрек меня огнем любви гореть. 480
 Из-за него решил я завладеть
 Твоей твердыней. Шли себе укоры:
 Тебя предали мне твои же взоры.

«Коль ты бранить меня захочешь, – знай:
 Расставила краса тебе силок.
 Смирясь, моим желаньям уступай.
 На утоление страсти я обрек
 Тебя; я все преграды превозмог.
 Хоть разум убивал мое решенье,
 Но вновь твоя краса звала к свершенью. 490

«Я знаю: много бед мой шаг влечет;
 Я вижу: розу тернии блюдут;
 Я понял: змеи охраняют мед;
 Но впрок раздумья мудрые нейдут,
 Мое желанье к благу не ведут;
 Оно лишь зрит красу твою влюбленно,
 К ней рвется против долга и закона.

«Я взвесил в сердце, сколько породит
 Поступок мой страданий, зол, скорбей. 500
 Но пламени ничто не угасит,
 Не остановит ярый бег страстей.
 Раскаяния слезы из очей
 Прольются; суждены мне срам, укоры,
 Но я стремлюсь в объятия позора».

Сказал и, римский меч свой обнажив,
 Над ней занес. Так сокол в небесах,
 Парит, крылами жертву осенив
 И хищным клювом нагоняя страх.
 Под соколом-мечом лежит в слезах
 Она и слышит речи рокотанье, 510
 Как птица внемлет бубенца бряцанье.

«Луcreция, моей должна ты быть, –
Он говорит. – Иль силу применю;
Решил тебя на ложе погубить,
И с жизнью отниму я честь твою.
Презреннейшего из рабов убью,
К тебе подброшу, стану клясться дерзко,
Что вас убил на ложе страсти мерзкой.

«Покроет мужа твоего позор,
Он на беду тебя переживет.
Потупят родичи смущенный взор, 520
Объявят незаконным твой приплод;
Тебя же, осквернившую свой род,
Потомство в песнях помянет глумливых,
Их станут дети петь средь игр шумливых.

«Коль сдашься, другом буду я твоим;
Грехи необнаруженные спят.
Когда для высшей цели мы творим
Проступок, судьи нас не заклеят.
Свою губительную силу яд 530
Утратит в смеси, лекарю покорный,
И действует микстура благотворно.

«Так ради мужа и детей своих
Склонись к моим мольбам. Не награди
Позором несмываемым родных,
Хулой, что предстоит им впереди.
Клеймо невольника иль на груди
Родимое пятно желанней, краше, –
Природа здесь виной, не подлость наша».

Как василиск², он в жертву роковой 540
Свой взор вонзил и смолк. Она была
Как воплощенье чистоты святой,
Как лань в когтях у горного орла.

478

К нему с мольбой в пустыне воззвала,
Но хищнику пощада незнакома;
Он рвется к цели, похотью влекомый.

Когда ползут на нас громады туч,
Скрывая горы, нагоня жуть,
Из черных недр земли встает, могуч,
Крылатый ветер и тщится их раздуть; 550

Их полчищам он преграждает путь.
Так он замедлил, слыша речь матроны;
Плутон Орфею внемлет благосклонно³.

Играя,мышь злосчастную когтит
Он, гнусный, по ночам бродящий кот.
В нем будит ярость жертвы грустный вид;
Всё поглотить готов водоворот.
Ее мольба до сердца не дойдет.
Дожди пророют в камне след глубокий,
Но плач не трогает груди жестокой.

560

Ее молящий, полный скорби взгляд
Прикован к сумрачным его чертам;
Несвязна речь, уста ее дрожат,
Но вздохи прелесть придают речам.
Нить мысли рвется. Нет конца мольбам.
Она в смятенье прерывает фразу,
О том же повторяет по два раза.

Юпитером, владыкою богов,
Военной честью, дружбою святой,
Любовью мужа, доблестью отцов,
Своею скорбью, правдою людской,
Землей и небом, властью их благой –
Злодея закликает удалиться,
Не похоти, а чести покориться

570

479

И молвит: «Умоляю, черным злом
Мне за прием радушный не плати,
Чтоб самого себя не клясть потом;
Тебя поивший ключ не замути;
До выстрела добычу отпусти.
Плох тот лесник, что вешнею порою
Лань умертвит разящею стрелою.

580

«Ты мужу друг, – так пощади жену;
Ты царский сын, – так не роняй себя.
Слаба я, – не веди со мной воину.
Твой честен лик, к тебе взываю я.
Я бурей вздохов удалю тебя.
Коль воинов смягчают жен рыдания,
Тебя смягчит мой плач, мои стенанья.

«На грудь твою, как на крутой утес,

Они обрушатся волной морей; 590
Растает злоба в океане слез,
Ведь камень тает в горечи зыбей;
О, если ты не тверже тех камней,
Услышь меня и окажи пощаду;
Пробьется жалость через все ограды.

«Ты как Тарквиний в дом ко мне проник.
Иль хочешь ты позор ему нанести?
Ко всем богам взываю в этот миг.
Ты губишь имя царское и честь;
Ты представляешься не тем, что есть, 600
И ты не то, чем кажешься. От века
Царь, как и бог, отец для человека.

«Какой позор ты в старости пожнешь,
Коль расцвели пороки до весны!
Раз ты сейчас на страшный шаг идешь,
Вступив на трон, чем станешь для страны?
О, помни: подданные все должны
Расплаты ждать за зло, что совершили;
А срам царя с ним не уснет в могиле.

480

«Лишь страх отныне будешь ты внушать, 610
А добрый царь любовь родит в сердцах.
Тебя злодеи станут окружать,
Ты с ними свяжешься во всех делах.
Пусть эта мысль пробудит в сердце страх.
Царь должен быть зеркалом и скрижалю,
Чтоб взоры всех в нем мудрость созерцали.

«Иль станешь ты скрижалю, где твой стыд
Начертан будет – похоти урок?
Иль будешь ты зеркалом, где узрит
Всяк поощрение на свой порок, 620
Найдя в тебе всех мерзостей исток?
Отверг ты славу вечную сегодня
И сделал имя доблестное сводней.

«Ты властен. Заклинаю тем, кто власть
Тебе вручил, спеши порыв смирить;
Не обнажай меча, чтоб честь украсть;
Он дан тебе, чтоб страсти покорить.
Как будешь ты, взойдя на трон, царить,
Когда любой преступник молвит смело,

Что у тебя учился злomu делу?

630

«С каким бы омерзением узрел
Ты этот грех, сверши его другой!
Своих не видят люди черных дел;
Спешат забыть. Когда б наперсник твой
То сделал, был бы осужден тобой.
О, как погрязли люди в тьме порока,
Коль от своих грехов отводят око!

«Тебя, тебя всем сердцем я молю:
Соблазны лютой похоти гони!
Верни поруганную честь свою,
Коварных дум внушенья отстрани;
Желание преступное плени;
Взор проясни, одетый пеленою,
Свой стыд узри и сжался надо мною».

640

481

«Довольно! — молвит он. — Страстей напор,
В преграды ударяясь, лишь растет.
Легко задуть свечу, но не костер;
Он в ветре снова ярость обретет.
Покорно платят подать пресных вод;
Горькосолоену монарху реки,
Но горечь в нем не уменьшат вовеки».

650

«Ты, — говорит матрона, — океан,
И в царственную глубь свою впустил
Срам, похоть, необузданность, обман,
Что оскверняют кровь священных жил.
Коль рекам волю дать, накопят ил;
Не растворит потоков грязи море
И в мутной топи погребется вскоре.

«Ты станешь раб, рабы ж на трон взойдут;
Ты будешь втоптан в прах, они — властны;
Ты дашь им жизнь, они тебя убьют;
Ты жалок будешь, а они страшны.
Пороки рушить доблесть не должны.
К бурьяну наклоняться кедр не станет;
Но у его корней бурьян увянет.

660

«Бунт низких дум смири, будь вновь царем...» —
«Замолкни! — он вскричал. — Мечом клянусь,
Тебе не внемлю. Покорись добром,

Иль грубой силой своего добьюсь,
Когда ж я поруганьем наслажусь, 670
Тебя в постель к невольнику снесу я,
Чтоб разделил с тобой он долю злую».

Сказав, он факел погасил ногой;
Ведь свет для похоти невыносим.
Спешит укрыться срам во тьме ночной,
И там владычествует он, незрим.
Волк жертву душил; схваченная им
Кричит овца и судорожно бьется,
Пока в руне своем не задохнется.

482

Злодей жгутом белья в ее устах 680
Рыданья, стоны затворить спешит,
В скромнейших, непорочнейших слезах
Разгоряченное лицо свежит.
И похоть ложе чистое сквернит.
Когда б смывалось то пятно слезами,
Она б рыдала днями и ночами.

Что отнято – дороже жизни ей;
Что он обрел – готов отдать назад;
Миг счастья сменят месяцы скорбей:
Насильственный союз борьбой чреват. 690
Сменил желанье отвращенья хлад.
Сокровище невинность потеряла,
А похоть, вор, еще беднее стала.

Коль пес раскормлен, сокол пресыщен, –
Тот нюх теряет, этот – легкость крыл,
Лениво, неохотно гонит он
Ту дичь, которой вид ему так мил.
Таков Тарквиний этой ночью был.
В желудке стала сладость кислотою;
Пожрав себя, желанье гаснет злое. 700

О бездна мерзости, мрачней, чем ночь!
Мысль не измерит черной глубины.
Пыл пьяный извергает пищу прочь,
Еще не видя всей своей вины.
Мольбы смирить желанье не властны,
Пока оно само не утомится
В безумном беге, словно, кобылица.

Тогда желанье, разом ослабев,
С потухшим взором, сморщенным челом,
Трусливо позабыв мятежный гнев, 710
Трепещет, как должник перед судом.
Когда бунтует плоть, готов с добром
Пыл страстный биться, но, утратив силу,
Слезливо кается бунтарь унылый.

483

Так было и с Тарквинием, едва
Столь вожаденный кубок был испит.
Себе изрек он страшные слова:
Теперь он срамом на века покрыт.
Прекрасный храм души его разбит.
Заботы устремляются к руинам— 720
Узнать, что с их злосчастливым властелином.

Отвечает душа: мятеж подняв,
Ее клеветы стены потрясли,
Своим грехом ее лишили прав,
Бессмертье сделали рабом земли,
На вечные мученья обрекли.
В предведенье она того страшилась,
Но воле их бессильно покорилась.

Так размышляя, крался в тишине
Он, победитель, сокрушенный в прах, 730
С неисцелимой раной в глубине,
Что станет шрамом, наводящим страх;
Оставил жертву в скорби и слезах.
Ее гнетет бесчестье неотступно,
Его – давящий груз души преступной.

Он псом проворовавшимся ползет;
Она простерта раненой овцой;
Он свой проступок яростно клянет;
Она терзает грудь свою с тоской;
Он, весь в поту, спешит во мрак ночной; 740
Она на ложе мечется, рыдая;
Он прочь бежит, блаженство проклиная.

Он убегает, скорбью удручен;
Она в отчаянье слепом лежит;
Он жаждет утра, мраком утрашен;
Она при мысли о заре дрожит.
«День, – молвит, – язвы ночи обнажит.

Мои всегда правдивы были взоры;
Не скроют и теперь они позора.

484

«Мне кажется, что все теперь узрят
Тот срам, что предстает очам моим.
Пусть лучше будет мраком взор объят,
Невольный грех останется незрим.
Ведь слезы стыд откроют всем живым;
Как влага грудь железа ржою гложет,
Они клеймо мне на черты наложат».

750

Покой проклятью предает она;
Ее очам желанна слепота.
Бьет в грудь себя, тоскою сражена,
Исторгнуть хочет сердце прочь: пусть та.
Его вмещает, чья душа чиста.
Так говорит она, ломая руки,
Вся трепещет от непомерной муки:

760

«О Ночь, убийца радости моей!
Ты образ ада, летопись грехов,
Арена злодеяний и страстей,
Притон бесславья, хаос, враг богов,
Пороков сводня, мерзостей покров,
Мать зла, пещера смерти роковая,
Предательства наперсница лихая!

770

«О мглистая, губительная Ночь!
Когда тобой позор мне учинен,
Вели туманам утро перевозмочь,
Останови течение времен;
Коль дашь заре взойти на небосклон,
Отравленными, злыми облаками
Затми живительного солнца пламя.

«Гнилым дыханьем всё кругом казня,
Сырою мглой наполни утро ты,
Блеск омрачи властительного дня,
Не дай достигнуть солнцу высоты
Зенитной. Пусть в пучину темноты
Светило обессиленное канет
И навсегда слепая ночь настанет.

780

485

«Когда б Тарквинии черной Ночью был,
Не сыном Ночи, – натворил бы зла
Луне-царице, сонмищу светил;
Сокрыла б звезды роковая мгла,
И я б наперсниц в муках обрела;
Скорбь разделенная отрадней, кротче;
Так странникам в беседе путь короче.

«Но кто со мной разделит мой позор,
Заломит руки, примется рыдать,
Потупит в землю угнетенный взор?
Должна я в одиночестве страдать,
Слезами щедро землю орошать,
Сменяя речью слезы, вздохом – стоны;
Они свидетели тоски бездонной.

«О Ночь, жерло, извергнувшее дым!
Плеть никогда пыгливый День не зрит
Мое лицо, что под плащом твоим
Свой незаслуженный позор таит.
Пусть мгла навеки над землей царит,
Чтоб злодеянья все могли сокрыться
В глухой тени, как в каменной гробнице.

«Не дай мне стать предметом сплетен Дня;
Заметят все, едва растает мрак,
Что чистота покинула меня,
Что злым насилием поруган брак;
И даже необученный простак,
Что понимать не в силах книг ученых,
Прочтет позор в моих глазах смущенных.

«Расскажет няня про беду мою,
Тарквинием ребенка припугнет.
Оратор, чтоб украсить речь свою,
Меня с Тарквинием в одно сплетет.
Певец на шумном пирс пропоет,
Как срам нанес Тарквинии мне безвинной,
А я невольню – мужу, Коллатину.

486

«Когда бы пощадил мою он честь
Хоть ради мужа и любви его!
Как сможет муж бесславы перенести?»

820

Другой росток от корня одного
Гнить станет; скверна ляжет на него,
Чье сердце столь же чисто и невинно,
Как я была чиста для Коллатина.

«О срам незримый! Сокровенный стыд!
Неосязаемая рана! Шрам,
Что Коллатиново чело клеймит!
Легко прочесть Тарквиния очам: 830
Той раной муж обязан не боям.
Сколь часто люди носят шрам позорный,
О коем знает лишь обидчик черный!

«О Коллатин, погибла честь твоя!
Но всё ж она насильем отнята.
Утрачен мед; как трутень стала я;
Ячейка оскверненная пуста;
Запятнана злодеем чистота.
В твой улей шмель проник, сокрытый тьмою,
И мед пожрал, накопленный пчелою. 840

«Но разве я была тому виной?
Лишь для тебя был мною принят он;
Я думала, что прислан он тобой;
Как гость, по долгу, был он мной почтён;
К тому ж он говорил, что утомлен,
И славил доблесть он красноречиво.
Кто б дьявола узрел под маской лживой?

«Зачем червю вползать весной в цветок?
Кукушке яйца в птичьей гнезда класть?
Иль жабе ясный отравлять поток? 850
Иль сердцу чистому изведать страсть?
Иль превышать зачем монарху власть?
Нет на земле высоких достижений,
Которые не знали б осквернений.

487

«Вот старец копит деньги в сундуках;
Его язвят недуги, гнут труды;
Почти иссякло зрение в глазах,
Но он сидит, как Тантал средь воды,
Сбирая хитрости своей плоды.
Несчастный скряга удручен сознанием,
Что не помогут деньги злым страданьям. 860

«Не усладят сокровища скупца;
Получат их его сыны потом
И расточат наследие отца;
Он хил, они ж горят живым огнем,
Недолго им владеть его добром.
Когда желанная придет к нам радость,
Внезапно в горечь обратится сладость.

«Шальные ветры – спутники весны;
Средь пышных роз порой сорняк растет; 870
Змеи шипенья в хоре птиц слышны;
Плод доблести нечестие пожрет.
Никто своим добро не назовет;
Придет пора, когда злосчастный Случай
Всё истребит своей рукой могучей.

«О Случай, ты всегда родишь напасть!
Тобою путь измены облегчен.
Толкаешь ты ягненка в волчью пасть;
Содействуешь греху в чреде времен; 880
Поносишь разум, право и закон.
Темна твоя пещера роковая,
Где грех сидит, прохожих поджидая.

«Ты гибель на весталку навлечешь;
Ты вздуешь пламя страсти в тьме ночной;
Ты честность и доверие убьешь;
Ты подлый сводник, подстрекатель злой.
Ты сгубишь славу, наградишь хулой.
Ты мерзкий вор, предатель, тать. Увянет
Твой пышный цвет, и сладость желчью станет.

488

«Твои восторги обратятся в стыд; 890
Твой тайный пир – в томительность поста;
Твой ласковый призыв – в слова обид;
Твой мед наводит горечь на уста;
Твоя непостоянна суета.
Так почему, скажи, презренный Случай,
К тебе стремится люд с алчбою жгучей?

«Когда ты станешь другом бедноты,
Смиранные прошенья утолишь?
Когда предел положишь браням ты?
От уз печали дух освободишь? 900
Когда больным здоровье возвратишь?

Бедняк, слепец, хромой в тоске сердечной
Тебя зовут, – но не придешь к ним вечно.

«Болящий умирает – дремлет врач;
Обидчик весел – втуне вопль сирот;
Пируют судьи, вдов не слыша плач;
Благоразумье спит – беда растет.
В тебе добро поддержки не найдет;
Но злу, убийству, зависти, измене
Ты верный паж на жизненной арене.

910

«Когда к тебе взывают Правда, Честь, —
Ты вмиг им ставишь тысячи преград.
Греху ж к тебе свободный доступ есть,
И помогать ему всегда ты рад;
Всё дашь ему, не требуя наград.
Ждала я Коллатина всей душою, —
Пришел Тарквиний, посланный тобою.

«Виновен ты в убийстве, воровстве;
Виновен в нарушении клятв и слов;
Виновен ты в измене, плутовстве;
Виновен в самом гнусном из грехов —
В кровосмешенье. Ты всегда готов
Содействовать всем сквернам человека
От сотворенья до кончины века.

920

489

«Чудовищное Время, Ночи друг,
Тревог и тягостных забот гонец,
Убийца юности, страж горьких мук,
Раб гнусных наслаждений, низкий лжец!
Всех вскормленных тобою под конец
Убьешь, О Время, ты грехом чреват,
Так будь в моей кончине виновато!

930

«Как мог нарушить Случай, твой клевет,
Часы покоя моего, разбить
И жизнь и счастье, помрачить мой свет
И душу вечной скорбью отягчить?
Долг Времени – вражду в сердцах гасить,
Уничтожать народов заблужденья,
А не творить супругам оскорбленья.

«Пристало Времени мирить царей,
Ложь обличать, являя правду нам,

940

Скреплять печатью славу прежних дней,
День пробуждать, дарить покой ночам,
Злодея тяжким обрекать скорбям,
Ведя к раскаянью; крушить твердыни
И повергать во прах дворцы гордыни;

«На пир червям величье предавать,
На снесь забвенью тлен и пыль веков,
Старинных книг значенье изменять,
Ощипывать стареющих орлов,
Крушить стволы столетние дубов
И бережно лелеять отпрыск юный,
Грызть медь и колесо вращать Фортуны;

950

«Дать бабушке внучат, детей в мужчин
Преображать, а стариков – в детей;
Сразить убийцу-тигра в тьме лощин;
Свирепых, диких приручать зверей;
Поймать плута в петлю его сетей;
Слать селянину урожай отрадный
И каплями долбить утес громадный.

490

«Зачем ты в вечном странствии своем
Лишь зло творишь? О, сделай шаг назад,
Вернись на миг, свой вред смени добром –
И тысячи тебя благословят;
Твоим советам всякий будет рад.
Ночь ужаса! Когда б ты запоздала
На час, – позора б я не увидала!

960

«О, вечности приспешник роковой!
Тарквинию вреди на всех путях,
Гоненьями преследуй и враждой;
Пусть ночь проклятую клянет в слезах;
Виденья пусть его вгоняют в страх;
Пусть превращает думою тревожной
Он в демонов кустарник придорожный.

970

«Пусть не дает ему отрады сон;
На ложе стонами его терзай;
Пусть будет он скорбями удручен,
Но жалости к нему не возбуждай:
Сердцами каменными окружай
Злодея. Сердце жен да не смягчится;
Пусть будут с ним свирепей, чем тигрицы.

980

«Пусть кудри рвет он скорбною рукой;
Пусть он свое деяние клянет;
Пусть он не зрит отрады в тьме слепой;
Пусть он, как низкий раб, весь век живет;
Пусть он подачки самой жалкой ждет,
И пусть он к нищему мольбы возносит,
А тот ему презренных крох не бросит.

«Пусть он врагов узрит в друзьях бывших,
И пусть над ним глумится каждый шут;
Пусть он познает средь мучений злых,
Как медленно часы в тоске бредут,
И вспомнит, как они средь игр бегут;
И пусть его всегда казнит сознание,
Что не исправить страшное деяние.

990

491

«О Время, ты наставник всех людей,
Учи меня злодея проклинать;
Пускай страшится тени он своей
И сам, сам алчет жизнь свою прервать;
Рукам порочным должно проливать
Кровь гнусную. Найдется ль раб, готовый
Казнить злодея мерзкого такого?

1000

«Он царский сын – и тем презренней он:
Себя навек злодейством осквернит;
Чем муж знатней, тем чаще обречен
Он славу принимать иль черный стыд;
Высоких саном срам больней разит;
Коль скроется луна, все видят сразу;
Исчезновенье ж звезд не зримо глазу.

«Коль ворон грязью вымажет крыло,
До этого и дела людям нет;
Но если б лебедю на ум пришло
Испачкаться, на белых перьях след
Всем виден. Слуги – тьма, монархи – свет;
Никто не видит стаи комариной,
Но всякий зрит державный лёт орлиный.

1010

«Прочь, прочь, слова! Вы лишь глупцам нужны!
Пустые звуки! Вы мне бранный прах!
Педантам в спорах вы служить должны;
Властительно гремите на судах,
Клиентов повергая в бледный страх;

1020

Но речью и былинки я не трону,
Коль не помочь в моей беде закону.

«Напрасно Случай, Время я клянущу,
Тарквиния и горестную Ночь;
Напрасно бьюсь у бедствия в плену;
Напрасно свой позор гоню я прочь;
Словами – жалким дымом – не помочь.
Спасти себя в глазах людей могу я,
Лишь кровь пролив, бесславием больную.

492

«Зачем дрожишь, рука, от речи той?
Гордись, что ты меня спасешь от зла;
Коль я умру, — честь не умрет со мной;
Коль буду жить, — навек со мной хула.
Раз отстоять меня ты не смогла,
Ногтями не царапала злодея, —
Скорей погибни с госпожой твоею!»

1030

С постели встав, она идет, дрожа,
Орудья смертоносного искать;
Но дом не бойня: не найдет ножа,
Чтоб жизнь свою постылую прервать,
Дыханию исход свободный дать;
Как Этны пар, что рвется в свод лазурный,
Как пушек дым, оно стремилось бурно.

1040

«Напрасно я живу, напрасно я
Ищу кончины, — говорит она. —
Меч негодяя испугал меня;
Теперь убить себя обречена.
Когда путалась я, была честна
Перед супругом. Но честна и ныне...
Нет, чести навсегда лишил Тарквиний!

1050

«О, то, чем я жила, истреблено,
И смерть меня уж боле не страшит.
Коль смою гибелью своей пятно,
Одежду срама скроет славы щит;
Моя рука бесчестье умертвит.
Тоскуя о жемчужине пропавшей,
Сожгу ли я ларец, ее вмещавший?

«Нет, нет, мой Коллатин, не потерплю,
Чтоб ты бесславыя кубок осушил;

Твоей любви святой не оскорблю; 1060
Тебя обманывать не станет сил;
Не допущу, чтоб гнусный отпрыск жил;
Не станет хвастаться мой осквернитель,
Что ты его отродья охранитель.

493

«Не поглумится над тобою он
Наедине или среди друзей,
Добра ты не изменой был лишен,
Нет, вор сломал засов твоих дверей.
Владычица я над судьбой своей:
Себе я не прощаю оскверненья — 1070
И смертью искуплю свое паденье.

Не уязвит злоречие тебя.
Не обелю свой грех перед тобой,
Не позлащу жестокой правды я,
Обиды, нанесенной ночью злой;
Язык мой всё поведает с тоской.
Как в дол бежит поток с вершины горной,
Прольются слезы, срам смывая черный».

Тем временем в поголубевшей мгле
Плач Филомелы⁴ сладкий отзвучал.
Ночь, медленно ступая по земле,
Спустилась в ад. Восток, рассветно-ал,
Всем взорам щедро пламень разливал.
Но скорбная Лукреция стыдится
Себя узреть; ей легче в ночь укрыться.

День-обличитель в скважины глядит,
И словно кажут на нее лучи.
Она ему, рыдая, говорит:
«Ты, око всех очей, не обличи 1090
Моих скорбей; на спящих взор мечи.
Не жги чело губительным сияньем;
День счета не ведет ночным деяньям».

Так пробуждает гнев в ней всё кругом;
Кручина – как дитя, что, зарыдав,
Не ищет утешения ни в чем.

494

У горя старого смиренней нрав:
Оно слабеет, власть времен познав;
А молодое – как пловец, что смело
Нырнет вглубь и тонет, неумелый.
Так, в океан тоски погружена, 1100
Со всякой вещью спор она ведет;
Глазами горя видит всё она.
Страданию силу новую дает
Всё, что пред влажным взором промелькнет.
Порой ее печаль нема, сурова;
Порой в речах излить себя готова.

Ликует беззаботных пташек хор,
Ей раня сердце радостью своей.
Проникнет вглубь тоски счастливый взор,
Но средь веселья боль еще острее. 1110
Привольней скорби в обществе скорбей;
Душе отрадно, если с ней другая
Печалится, ее беде внимая.

Двойная смерть – тонуть у берегов;
Свирепей боль, когда лекарство зрим;
Растет в душе печаль от нежных слов;
Сильней голодный голодом томим
При виде яств. Течением своим
Реке подобна скорбь: поставь преграды –
И всё кругом затопит без пощады. 1120

«Насмешливые птицы, – молит их, –
В груди пуховой скройте звон рулад.
Хочу я, чтобы хор ваш ныне стих;
Душе смятенной в песнях нет отрад;
Хозяйку в горе гости тяготят.
Тем пойте вы, кто сердцем чужд печали;
Скорбям напевы слезные пристали.

«Ты о насилии, грустя, поешь,
О Филомела! Средь моих кудрей
Приют, как в темной роще, ты найдешь; 1130
Как влажная земля во тьме ночей,

495

Я стану вторить горести твоей.
В припеве скорбном помяну злодея,
Как ты в напеве сладостном – Теряя.

«Меж тем как давнюю свою печаль
Ты бередить, предав шипам себя,
Приставлю я губительную сталь
К своей груди, позора не стерпя,
И мертвая паду на землю я.
Как две струны на арфе сладкозвучной,
С тобою мы в отчаянье созвучны.

1140

«Ты не поешь, бедняжка-птица, днем:
Тебя смущает всякий взор людской.
Вдвоем мы край пустынный изберем,
Где царствуют безлюдие, покой
И вечная весна: там ты с тобой
Затянем песнь тоски; раз люди стали
Зверями, призовем зверей к печали».

Как лань стоит, в испуге трепеща,
Не ведая, куда бежать среди гор;
Как странник, в лабиринте путь ища,
Напрасно бродит, в тьму вперяя взор;
Так и в душе Лукреции раздор.
Не знает, к жизни, к смерти ль обратиться;
Постыдна жизнь, смерть, как судья, грозитя.

1150

«Убить себя? — стелает. — Но к чему?
И дух мой будет этим осквернен.
Кто пол-именя потерял, тому
Отраднa мысль, что не всего лишен.
Когда ребенок смертью унесен,
Какая мать решит убить другого,
Истерзанному сердцу дорогого?

1160

«До осквернения что всего милей
Мне было — дух иль плоть? — твердит она. —
Что я любила глубже, горячей,

496

Когда супругу я была верна?
Коль обнажится от коры сосна,
Иссякнут соки и увянет крона;
Так будет и с душой, коры лишенной.

«Разграблен дом ее, покой сражен,
Усадьба вся разрушена врагом,
Священный храм поруган, осквернен,
Бесславием пронизан и стыдом.

1170

Так будет ли нечестьем и грехом,
Коль брешь пробью в ославленной твердыне,
Чтоб дух смятенный плоть покинул ныне?

«Но не умру, покуда Коллатин
Всей правды не узнает про меня,
Чтоб отомстил мой славный господин
Тому, из-за кого погибну я;
Попомнится злодею кровь моя:
Ее он осквернил, и, умирая,
По праву кровь ему я завещаю.

1180

«Честь завещаю острому ножу,
Что опозоренную плоть пронзит.
Постыдной жизнью я не дорожу;
Честь оживет, когда умрет мой стыд;
Так пепел срама славу возродит.
Убив себя, я умерщвлю презренье,
А честь познает новое рожденье.

1190

«Что завещать тебе, мой дорогой,
Похищенного клада верный страж?
Моя любовь и честь – всегда с тобой.
Тарквинию достойно ты воздашь;
Как гибну я, так сгинет недруг наш.
Твой друг, себя я поражу, – так надо! –
Как недруга; и ты не знай пощады.

«Вот объявляю волю я свою:
Дух к небу, тело к праху отойдет;

497

Тебе, супруг, решимость отдаю,
А честь – ножу, что рану нанесет;
Позор на осквернителя падет;
А слава добрая тому дается,
Кто от меня душой не отвернется.

1200

«Ты волю совершишь мою, супруг,
Узрев, что совершил мне лютый враг.
Омою кровью тяжкий свой недуг,
Сотру прекрасной смертью гнусный знак.
Встань, сердце, изреки: «Да будет так!»
Руке предайся, будь в союзе с нею;
Победу смерть вам даст и стыд – злодею».

1210

Смертельный приговор произнесен!

Она роняет горький перл из глаз,
Зовет служанку, подавляя стон, –
И та спешит на зов ее тотчас
(Сознание долга окрыляет нас).
На лик матроны девушка взирает;
Он – словно снег, что на припеке тает.

С почтительным приветствием она
Склонилась пред хозяйкою своей;
Она была весьма огорчена,
Увидев лик ее в плаще скорбен;
Не смеет, робкая, спросить у ней,
Что помрачило солнца-взора пламя,
Что увлажнило лик ее слезами.

1220

Когда заходит солнце, мир грустит,
И слезы выступают на цветах;
Так и служанка скорбь хозяйки зрит
И сетует о солнечных глазах,
Что погреблись в соленых, злых волнах,
Объята жалостью она, и очи
Увлажнены, подобно росной ночи.

1230

498

Созданья нежные стоят без слов,
Как у фонтана статуи наяд;
Матроны лик и скорбен и суров,
Сочувствием горит служанки взгляд.
Легко печали женщину мрачат:
Увидит скорбь – и слезы взор туманят;
Чужие горести ей сердце ранят.

Как мрамор, у мужчин сердца; у жен –
Как воск, и мрамор след врезает в них.
Слабейший пол всемерно угнетен,
Влиянье терпит хитрых, умных, злых;
Невинны жены в бедствиях своих.
Кто обвиняет воск, когда покорно
Он принимает беса образ черный?

1240

Подобны откровенностью они
Равнине, где заметен червячок.
В душе мужчины, как в лесной тени,
Таятся грех и мерзостный порок;
Но сквозь хрусталь⁵ заметен волосок.
Муж преступленье скроет в мрачном взоре;

1250

Взор женщин – книга, где читают горе.

Никто цветок измятый не бранит,
Но все винят его стубивший град.
Не жертву, а насильника сразит
Хула. Пусть жен несчастных не винят:
В проступках их мужчина виноват;
Владыка гордый, он своею властью
Влечет жену к позору и несчастью.

1260

Луcreция примером сложит нам;
В ночи подверглась нападенью зла.
Ее страшили смерть и горький срам,
Что смертью на супруга б навлекла;
Противиться напасти не смогла;

499

Смертельный страх сковал матроны тело:
Над мертвцом злодей глумится смело.

Вооружась терпением, она
Подруге скорбный задает вопрос:
«Дитя, скажи, чем ты огорчена?
Иль жалость породила ливень слез?
Но знай: твой плач мне пользы не принес.
Когда б давали слезы облегченье,
Хватило и моих бы вне сомненья.

1270

«Скажи, дитя, давно ли... — тут, дрожа,
Пресекся голос, – гость уехал мой?»
Служанка отвечает: «Госпожа,
Не ведаю: спала я той порой.
Конечно, лень моя всему виной.
В одном лишь оправданье мне: я встала
Перед зарей; но гостя не застала.

1280

«Но если смеет девушка спросить
Причину грусти госпожи своей...» –
«Молчи! – матрона молвит. – Не убить
Тоски, не ослабеет от речей.
Всех выражений скорбь моя сильней.
Мне адское терзает душу пламя, –
Нет силы передать его словами.

«Перо, чернил, бумагу мне подай...
Но здесь они. Не трать напрасно сил.
Что мне еще сказать? Приказ отдай,

1290

Чтоб кто-нибудь из мужних слуг спешил
К супругу, что любезен мне и мил.
Скажи, чтоб собирался в путь далекий;
Вручу письмо ему. Не терпят сроки».

Ушла служанка. Тут она берет
Перо, но медлит под налетом дум.
В ней разум с горестью борьбу ведет;
Стремленья воли убивают ум;

500

Колблется матрона. Взор угрюм.
Как шумный люд, стремящийся в ворота,
Теснятся в голове ее заботы.

1300

Так начала: «Достойный властелин
Супруги недостойной! Будь всегда
Здоров. Коль хочешь видеть, Коллатин,
Лукрецию, скорей прибуди сюда.
Не медли, милый. Горькая беда
Стряслась со мной под мирным нашим кровом.
Не передать глубокой скорби словом».

Причину горести своей таит
Она в словах неясных от него.
Посланье Коллатина известит
О горе, но не сообщит всего.
Она страшится мужа своего
И правду не дерзнет поведать прямо,
Пока не смоем кровью пятна срама.

Всю горечь, все терзания свои
Решила при свидании излить;
В слезах, стенаньях, вздохах о любви
И о прощенье пламенно молить;
Утраченную честь восстановить.
Не хочет осквернять она посланье
Словами, прежде чем свершит деянье.

1320

Скорбь зримая сильнее волнует нас,
Чем может повесть горя взволновать.
Тупому уху поясняет глаз;
Всем чувствам вкупе легче грусть понять;
Слух только часть способен воспринять.
Порой потока рокот – громче моря;
Под ветром слов отхлынут волны горя.

1330

Печать приложена к письму; на нем:
«В Ардею, мужу, с крайней быстротой».
Посланец ждет с нахмуренным челом;

501

Она велит ему лететь стрелой,
Быстрее птиц, застигнутых грозой.
Но скорость мысли ей покоем мнится:
Дух, впавший в крайность, к крайности стремится.

Простак-слуга склоняется пред ней;
Краснея густо, на нее глядит;
Взял свиток он у госпожи своей
И, не сказав ни слова, прочь спешит.
Виновный в каждом взоре зрит свой стыд;
Так и матрона думает, страдая:
«Он покраснел, мое паденье зная».

1340

Свидетель бог, слуга был сердцем чист,
И лишь от робости он покраснел;
Смирнен, безыскусен, неречист,
Служил он верно; а другой хоть смел
В речах – на деле вял и неумел.
Как верный раб старинного закала,
Работал честно, говорил он мало.

1350

В ней подозренье пыл его зажег;
Зарделись оба, мнилось ей: узнал
Он про позор, что на нее налег, –
И взгляд ее глаза его пытал.
Под взором пристальным он весь пылал.
Чем жарче было щек его горенье,
Тем глубже вкоренялось подозренье.

Ей кажется – слуга давно в пути,
Хоть он едва порог переступил.
Как вялый ход часов перенести?
Вздыхать, стенать и плакать нет уж сил:
Устало горе, вопль себя убил.
Она на время прерывает пени,
Чтобы излить иным путем томленье.

1360

И вспоминается картина ей,
Изобразившая Приамов град,

502

А перед ним — рать греческих царей,
Что за Прекрасную Елену мстят,
Разрушить стены гордые грозят. 1370
Казалось, небо, преклонясь влюбленно,
Дарит лобзаньем башни Илиона⁶.

Искусство чудодейственной рукой
На зло природе жизнь дало вещам.
Сверкали слезы жгучею тоской
В глазах у жен, рыдавших по мужьям.
Дымилась кровь, стекая по камням,
И умирающих мерцали очи,
Как гаснущие угли в мраке ночи.

Сапер копал глубокий ход в земле, 1380
В пыли, в поту, усердьем обуян;
А с башен сквозь бойницы, в дымной мгле,
Смотрели пристально глаза троян
На неприятельский суровый стан.
Так изощрился мастер гениальный,
Что в тех глазах был виден блеск печальный.

Черты вождей величия полны
И милости; у юношей в глазах
Отвага и дерзание видны,
А у других во взоре — смертный страх. 1390
Чуть держатся на трепетных ногах;
Бледны, объаты ледяною дрожью
И на крестьян испуганных похожи.

Как мастерски Аякс изображен
И Одиссей! Их видим, как живых,
Дух каждого в лице отображен;
Легко узнать царей по лицам их.
В глазах Аякса пыл страстей слепых;
Но кроток взор Улисса: то мыслитель
И милосердный, опытный правитель. 1400

503

Там древний Нестор речь к бойцам держал,
Напутствуя в сражение войска;
Жест плавный покорял и чаровал;
Серебряная борода, легка,
Качалась вверх и вниз у старика.

Чуть видное дыхание курилось
Из уст его и к небесам стремилось.

Толпою тесной старца окружив,
Ему внимали Греции сыны;
Стояли все, дыханье затаив, 1410
Как пением сирен покорены.
Одни из них отчетливо видны,
Другие, полускрытые толпою,
К оратору тянулись головою.

Тот на соседа оперся рукой;
В тени щека, лоб ярко освещен;
Другой, багровый, сдавленный толпой,
Чуть жив; бранится третий, разъярен.
На лицах гнев такой запечатлен, 1420
Что, если б Нестор не пленял речами,
Они б давно померялись мечами.

Столь дивно, столь отменно мастерство
Художника, столь кисть его властна,
Что не Ахилла стан, а лишь его
Держащая копье рука дана, —
Но вся фигура явственно видна
Очам души. Виднелись руки, груди,
Мечи, – по ним воображались люди.

А на стенах отвесных городских,
Меж тем как славный Гектор в бой спешил, 1430
Стояли матери; на лицах их
Сиял восторг при виде полных сил
Воителей; но взор их тень таил:
Как пепел, что темнеет, пламя кроя,
Во взглядах страх проглядывал порою.

504

От взморья до Скамандра берегов,
Где бой кипел, рекою кровь лилась;
Стремилась волны, как ряды бойцов,
На брег крутой бросались, разъярясь,
И отступали, в брызги раздробясь; 1440
Потом сливались с новыми валами
И вскидывали пену над камнями.

Лукреция к картине подошла,
Ища лицо, что скорби вес хранит.

Она печальных много лиц нашла,
Но ни одно всех мук не совместит.
Вот, наконец, она Гекубу зрит,
Скорбящую над мужем, распростертым
Пред Пирром торжествующим и гордым.

В ней передал художник гнет годин, 1450
Тлен красоты и злую власть скорбей
Избороздила щеки сеть морщин;
Нет прелести давно прошедших дней.
Кровь словно выжжена годами в ней;
Иссох ручей, что пробегал по жилам,
И не заметно жизни в теле хилом.

В нее Лукреция вперила взгляд;
К скорбям царицы стала примерять
Свои. С увядших губ вот-вот слетят
Рыданья, станет Пирра проклинять. 1460
Но голоса не смог художник дать, –
Не бог он. Упрекнуть его готова
Матрона, что лишил страданье слова.

«Немая лютня, жалко мне тебя! –
Промолвила. – Тебе я голос дам,
И прокляну убийцу Пирра я,
И на Приама изолью бальзам,
И прикажу залить пожар слезам,
И проколю бестрепетной рукою
Глаза врагам, испепелившим Трою. 1470

505

«Мне укажи блудницу, зол исток:
Стублю ее красу, коварный дар.
Парис, ты похотью своей навлек
На Трою сокрушительный удар,
Твой взор зажег пылающий пожар;
И погибают, грех твой искупая,
Отец, и сын, и мать, и дочь младая.

«Зачем же наслажденье одного
Для многих душ становится бичом?
Пусть гнев падет на голову того, 1480
Кто осквернился тягостным грехом.
Пусть пощадит невинных божий гром.
Зачем за грех постыдного разврата
Всем соплеменникам нести расплату?

«Вот гибнет царь Приам; вот слезы льет
Гекуба; слабнут Гектор и Троил;
Вот у друзей из груди кровь течет;
Вот друга друг невольно умертвил.
Один развратом весь народ стубил.
Когда б отец пресек Париса пламя,
Пылала б Троя славой, не огнями».

1490

Рыдает над картиною она.
Подобна колоколу скорбь людей:
Когда в движение приведена,
Всё вызывает звон унылый в ней.
Так и Лукреция в тоске своей
Давала речь скорбям изображенным
И втррила немым страдальцев стонам.

Водя глазами по рядам фигур,
Оплакивает гибнущих бойцов;
Вот видит пленника: печален, хмур,
Он смотрит на фригийских пастухов;
Но взор зажечься радостью готов.
Среди крестьян он к городу послушно
Идет, к своим несчастьям равнодушный.

1500

506

Искусно мастер передал, как он
Под маской кротости сокрыл обман;
Бредет смиренно, с виду удручен,
Но радостной надеждой обуян.
Ни бледен он, ни чересчур румян,
Дабы не возникало подозренье,
Что стыд иль страх родило преступленье.

1510

Но словно бес, закоренелый в зле,
Он сохранял обличье доброты;
Никто б во взоре скорбном, на челе
Не разглядел предательства черты,
Змеиной хитрости и клеветы.
Кто чает встретить в ясном небе тучу,
В невинном лике грех узреть ползучий?

Так мастера искусною рукой
Изображен предатель был Синон;
Его поверив сказке, пал седой
Приам; его речами был зажжен,
Как факелом, преславный Илион.

1520

Печалась об утраченном зеркале⁷,
Тогда светила из орбит упали.

Луcreция, картину рассмотрев,
Искусство ставит мастеру в упрек;
Синона облик в ней рождает гнев:
Зачем прекрасной формой он облек
Презренный дух, вмещающий порок?
В него взгляделась: кроток лик беззлобный;
Ей мнилось: лжет художник бесподобный.

1530

«Не может статья, – молвит, – чтобы зло
Вмещал...» Чуть не сказала: «дивный лик».
Лицо Тарквиния на ум пришло,
Но этих слов не вымолвил язык.

507

Вот что она сказала через миг:
«Я понимаю, сколь обманна лица:
В чертах прекрасных низкий дух таится.

1540

«Как здесь изображен на полотне
Предатель – грустен, бледен, кроток, тих
И утомлен, – так подошел ко мне
Тарквиний; сладостью речей своих
Сокрыв пороки он от глаз моих.
Как некогда Приам, я всей душою
Доверилась, – и пала я, как Троя.

«Смотри, как, плачем лживым⁸ потрясен,
Взор увлажнил доверчивый Приам.
Приам, годами ты не умудрен!
В глазах Синона – смерть твоим сынам;
Они подобны яростным огням;
Те перлы, что рождают состраданье,
Падут на град, как молнии пыланье.

1550

«Контрасты бесам доставляет ад.
Синон, пылая, как в мороз дрожит;
И холодом огонь его богат.
Противоречья слив, хитрец внушит
Глупцам доверье, смелость в них вселит.
Так вызвал враг доверие в Приаме
И Трою сжег не пламенем, слезами».

1560

Тут, яростью безумной пронзена,
Терпенье потеряв, что было сил

Синона начала терзать она,
В нем гостя зря, что честь ее убил,
К себе самой презрение внушил.
Но вот очнулась; молвит, улыбаясь:
«Безумная! С бесчувственным сражаюсь!»

508

Так время утомил поток скорбей
Приливами, отливами валов.
То жаждет ночи, то ей день милей;
Дух подгонять события готов.
Страданья замедляют ход часов;
Не знает сна несущий муки бремя;
В бессоннице всегда влачится время.

1570

Но незаметно время протекло
За созерцанием картины той.
Лукрецию от горя отвлекло
Ее сочувствие беде чужой;
Притих порыв души ее больной:
Порою облегчает нас сознание,
Что и других людей томят страданья.

1580

Но вот, посланьем призван, прискакал
С друзьями Коллатин. В покой жены
Войдя, ее он в трауре застал.
Кругами синими обведены
Глаза, как радугою лик луны;
Та синева – наследье ливней слезных
И предвещанье бурь грядущих грозных.

На скорбь супруги Коллатин смотрел,
До глубины сердечной потрясен:
Глаза красны, а лик прозрачно-бел;
Сил не имел спросить матрону он,
Чем ей недуг душевный причинен.
Стоял безмолвно муж перед супругой:
Так на чужбине сходятся два друга.

1590

Но вот он руку бледную берет
И говорит ей: «Что стряслось с тобой?
Ты вся дрожишь? Что сердце так гнетет?
О, что похитило румянец твой?
Зачем душа омрачена тоской?
Открой, любимая, свои томленья,
Чтоб оказать могли мы облегченье»

1600

Вздохнула трижды бедная жена,
 Пред тем как слово вымолвить одно,
 Готова, наконец, сказать она:
 Про бедствие, что ей учинено:
 Как честь погибла, счастье сметено.
 А Коллатин, друзьями окруженный,
 Ждал слов своей супруги удрученной.

1610

Тут песнь предсмертную в гнезде своем
 Тоскующая лебедь начала:
 «Речей нехватит передать о том,
 Как учинилось мне деянье зла.
 Во мне печаль слова превозмогла.
 Своей тоски и бесконечных жалоб
 И в целый год тебе не рассказала б.

«Но вот что я скажу, властитель мой,
 Чтоб ты простить мое паденье мог:
 В наш дом явился человек чужой;
 Он дерзко на постель твою возлег
 И несказанный срам на нас навлек.
 Он ложа нашего попрам святыню:
 Твоя супруга не чиста отныне.

1620

«В слепую полночь, в мертвой тишине,
 Пробрался гад поганый в мой покой,
 С мечом и с факелом, и молвил мне:
 «Проснись, матрона, раздели со мной
 Восторг любви, иль поражу бедой
 Я весь твой род; расправлюсь беспощадно,
 Когда не утолишь мой пламень жадный.

1630

«Коль не исполнишь волю ты мою, –
 Грязнейшего из слуг, – он продолжал, –
 Я умерщвлю, потом тебя убью
 И поклянусь пред всеми, что застал
 На ложе вас и смерти злой предал
 Прелюбодеев. Так мой меч кровавый
 Тебя – стыдом, меня ж покроет славой».

«Тут стала я стенать, рыдать, скорбеть,
Но он к моей груди приставил меч,
Велел мне всё покорно претерпеть,
Иначе поклялся мне жизнь пресечь
И несмываемый позор навлечь;
Сказал, что не забудет Рим державный
Жены-распутницы конец бесславный.

1640

«Был мощен враг мой и бессильна я,
А страх меня лишил последних сил;
Язык сковал мне бешеный судья:
О справедливости он позабыл.
Стал, как свидетель, клясться рдяный пыл,
Что соблазнен был мною. Беспощаден
Судья к ворам, коль сам он обокраден.

1650

«О муж мой, оправданьям научи;
Скажи, как мне свой облегчить удел!
Хоть плоть моя осквернена в ночи,
Мой дух, как прежде, непорочно-бел:
Он поругания не претерпел,
Не покорился злу; незагрязненный,
Он пребывает в келье оскверненной».

Супруг, что честь и радость потерял,
Стоит безгласен, бледностью покрыт,
Скрестивши руки; взор печальный вял;
С губ восковых ни звука не слетит,
Хотя в груди отчаянье кипит.
Злосчастный, он достоин сожаленья,
В словах не обретая облегченья.

1660

Как бурно мчащийся под мост поток
Скрывается от глаз в его пролет,
О камни бьется, грозен и жесток,
И вспять бежит и бешено ревет
(В теснинах ярость пенная растет), –
Так бурно рвутся вздохи Коллатина,
И вновь уходит в глубину кручина.

1670

511

Немая боль супруга новый пыл
Страданьям придала. «О дорогой,
Своею скорбью пуще разбудил
Ты скорбь мою. Растет поток седой
От бурных ливней. Взор печальный твой

И вздохи сердце мне глубоко ранят;
Залить страданья – слез моих достанет. 1680

«Во имя той, что сердцу твоему
Мила, Лукреции твоей, отмсти,
Молю тебя, преступнику тому.
Представь, что зло грозит, и защити.
Хотя меня ничем уж не спасти,
Пусть он умрет, и буду я отмщенной:
Щадя злодеев, оскорбим законы.

«Но прежде чем я назову его, –
Соратникам супруга говорит, –
Прошу вас, други мужа моего, 1690
Клянись мне, что будет он убит.
Прекрасное деянье совершит
Разящий кривду. Похвалы достоин
За оскорбленье женщин мстящий воин».

Друзья в ответ на трепетный призыв
Охотно обещают помощь ей:
В них пробудился рыцарский порыв.
Узнать, кто враг, хотят они скорей.
Тяжелая задача перед ней.
«О, расскажите, – молит их уныло, – 1760
Как смыть пятно, что я не заслужила?

«Мне растолкуйте, в чем вина моя:
Ведь только ужас мог меня склонить.
Душою чистая, смогу ли я
Смыть горький срам и честь восстановить?
Как мне себя пред вами обелить?
Очистится ручей от яда скоро;
Но как мне смыть с себя клеймо позора?»

512

Тут все твердят наперерыв, что грех,
Коснувшись тела, в душу не проник. 1710
Но с грустной улыбкою от всех
Она бескровный отвращает лик,
Где скорбь видна, как на страницах книг.
«Нет, – молвит, – нет! Я падшему созданию
Не дам пример, достойный оправданья!»

Со вздохом горестным тут назвала
Тарквиниево имя. «Он... он... он...»

Сказать ни слова больше не могла;
Язык ей не покорен, дух смятен;
За вздохом вздох, за стоном рвется стон. 1720
Но вот сказала: «Через него, злодея,
Вонзаю в грудь я нож рукой своею».

Тут, как в ножны, себе вложила в грудь
Жестокий нож и духу своему
Крылатому открыла вольный путь,
Чтоб он покинул смрадную тюрьму,
Отчизной стали б небеса ему.
И жизнь бессмертная вмиг излетела,
Без сожаленья оставляя тело.

Безмолвен, потрясен, окаменев, 1730
Среди друзей ее супруг стоял.
Старик отец, смерть дочери узрев,
На труп самоубийцы, плача, пал;
А Брут из раны вытащил кинжал,
И хлынула потоком кровь густая,
Себе исход внезапно обретая.

На два ручья горячих разделясь,
Струилась кровь неспешною волной,
Вкруг тела обтекая и виясь;
Лежал, как остров, труп жены молодой, 1740
Безжизненный, холодный и немой.
Один ручей был рдян, другой же черен,
Как будто он насильем опозорен.

513

Вкруг черного, застывшего пятна
Образовался светлый ободок;
Казалось, кровь сама потрясена,
И слезы источил ее поток,
Луcreции оплакивая рок.
В другом ручье кровь оставалась алой:
Насилие, краснея, вспоминала. 1750

«О дочь, о дочь моя! — рыдал старик. —
Тобой разрушенная жизнь была
Моей. Коль в детях жив отцовский лик,
Как буду жить, когда ты умерла?
За тем ли ты дар жизни приняла?
Коль раньше старых гибнут молодые,
Наследниками станем мы, седые.

«О зеркало разбитое, где я
Свой юный облик созерцал не раз!
Но вот оно померкло, и себя
Скелетом в нем увидел я сейчас. 1760
Мой юношеский образ в нем погас,
О, красоту с собою унесла ты,
И не увижу, чем я был когда-то!

«О время, сгинь, останови свой ход,
Коль гибель шлешь до срока дорогим!
Иль смерть гнилая сильного пожрет
И жизнь оставит дряхлым и больным?
Со смертью старых к пчелам молодым
Отходит улей. Так живи, родная, 1770
Чтоб умер я, тебя благословля!»

Тут Коллатин очнулся; просит он,
Чтобы ему Лукреций место дал.
На хладный труп, что кровью обогрен,
Он пал, лицо к ее груди прижал;
Как мертвый, недвижимо он лежал.
Но стыд ему дыханье возвращает;
Он жизнь свою отмищенью посвящает.

514

Глубокие терзания души
Ему мешали долго говорить: 1780
Томится скорбь в безмолвии, в тиши.
Стремясь себя словами облегчить,
Заговорил. Однако смысла нить
Запутана, слова звучат превратно,
И речь его темна и непонятна.

«Тарквиний!» – он твердил по временам,
Как бы стараясь имя растерзать.
Крепчает ветер, сопутствуя дождям,
И гонит он поток бурливый вспять.
Но ветер стих, и полил дождь. Так зять 1790
И тесть стремятся превзойти друг друга,
Скорбя над дочерью и над супругой.

Тот и другой своей ее зовут,
Хотя навек она сокрылась в тьму.
«Она моя!» — твердит отец. Но тут
Муж возражает: «Нет, моя! К чему.
Меня лишаешь прав? Я никому

Не дам рыдать над раннею кончиной:
Пристала скорбь по ней лишь Коллатину».

Отец рыдал: «Я жизнь доверил ей,
Она ж ее столь рано прервала!» –
«О горе! — Коллатин рыдал. — Моей
Женой была и ныне отняла
Жизнь у меня!» Их пеням нет числа,
«Супруга!», «Дочь!» над мертвою звучало.
И эхо: «Дочь!.. Супруга!» повторяло.

1800

Брут, что из раны острый нож извлек,
Когда борьбу их скорби увидал,
Себя величьем, гордостью облек:
Безумия личину потерял
В ее крови.⁹ Он римлян забавлял;

1810

515

Как жалкий шут юлит перед владыкой,
Сограждан тешил речью вздорной, дикой.

В том поведенье тонкий был расчет.
Но тут отбросил он обычай свой
И разума принес нежданный плод.
Жалея Коллатина всей душой,
Он молвит: «Встань, скорбящий над женой!
Я, титулом безумца награжденный,
Даю совет, из опыта рожденный.

1820

«О Коллатин, возможно ль облегчить
Раненье – раной, стоном – горький стон?
Зачем себе удары наносить,
Когда позор жены не отомщен?
Не будь же малодушьем покорен!
Твоя жена ошиблась, для отмщенья
Себя, а не врага избрав мишенью.

«Отважный римлянин, в своей груди
Слезами гневный пламень не залей!
Но, преклонив колени, пробуди
Богов мольбой горячею своей,
Да разрешат всю мерзость наших дней
Нам вымести из гордых улиц Рима
И град спасти, насилием сквернимый.

1830

«Клянусь я Капитолием святым
И кровью, здесь безвинно пролитой,

Законами, что ограждают Рим,
И солнцем, что румянит плод земной,
Лукреции невинною душой,
Ножом кровавым, скорбью непомерной, — 1840
Мы отомстим за смерть супруги верной!»

Себя ударив в грудь, облобызал
Нож роковой, скрепляя свой обет;
Других последовать себе призвал.

516

Дивясь, клянутся все ему вослед;
Колени склонены, а взор воздет.
Вот повторяет клятву Брут, и снова
Они клянутся, отомстить готовы.

Произнесен суровый приговор,
И показать народу решено 1850
Труп той, что не смогла терпеть позор
И смысла кровью гнусное пятно.
Без промедленья это свершено.
И Рим обрек за гнусное деянье
Тарквиния на вечное изгнанье.

648

ОБЕСЧЕЩЕННАЯ ЛУКРЕЦИЯ

Поэма эта была в первый раз издана в 1594 г. После этого до 1624 г. она выдержала еще пять изданий. По всему своему характеру она очень близка к первой поэме Шекспира, однако стиль *Обещенной Лукреции* обнаруживает черты большей художественной зрелости: мы находим в ней гораздо меньше гипербол и других риторических прикрас, чем в *Венере и Адонисе*. Тем не менее, судя по количеству изданий и упоминаний у современников, *Обещенная Лукреция* пользовалась несколько меньшим успехом, чем первая поэма Шекспира.

По всей вероятности, *Обещенная Лукреция* была написана в том же 1594 г., когда была напечатана.

Для сюжета этой поэмы Шекспир использовал два источника, свободно комбинируя их между собой: Тита

Ливия (кн. I, гл. 58) и Овидия (*Фасты*, кн. 1). Обе книги были очень распространены в Англии, и Шекспир мог с ними познакомиться еще на школьной скамье. Вообще же трагическая история Лукреции была необыкновенно популярна, и Шекспир много раз упоминает о ней в своих пьесах.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ ПОЭМЫ

679. Пока в руне своем не задохнется. Руном здесь названа шерстяная белая ночная одежда Лукреции.

---

¹ Во времена Шекспира полы в домах устилались тростником.

² Сказочный зверь, убивающий одним своим взглядом.

³ Намек на миф об Орфее, который, спустившись в ад за своей женой Эвридикой, так очаровал своим пением владыку подземного царства Плутона, что тот возвратил ему жену.

⁴ Филомела была обещана мужем своей сестры Тереем, после чего она была превращена богами в соловья. Имя ее стало нарицательным в значении «соловей».

⁵ Хрусталь женских глаз.

⁶ И л и о н – одно из наименований Трои.

⁷ Илион так блестящ, что в нем отражаются звезды.

⁸ Синон, изобретатель деревянного коня, погубившего Трои, притворно плача, уверил троянцев, что греки уплыли, оставив его на берегу одного.

⁹ Юний Брут, стремившийся низвергнуть царский род Тарквиниев, для безопасности прикидывался слабоумным.